

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ЮРИЙ ЯКОВЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой отраслевой социологии
Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко, Заслуженный ра-
ботник образования Украины*

Новый импульс повышения культуры социологического мышления

Николаенко В.Л., Николаенко Л.Г. Социология культуры: краткий словарь / Под науч. ред. Н.В.Тулленкова. — К.: ИПК ГСЗУ, 2011. — 577 с.

Выход в свет словарного издания в научной жизни Украины — всегда интересное событие, а в отраслевой социологии такого рода событие уже неординарное, ибо наконец осуществлена первая попытка написания словаря по одному из ключевых направлений — социологии культуры. Авторами являются преподаватели Киевского национального университета имени Тараса Шевченко: Владимир Леонидович Николаенко (кандидат социологических наук, ассистент кафедры отраслевой социологии) и Леонид Григорьевич Николаенко (кандидат философских наук, доцент кафедры социальных структур и социальных отношений). Они вне стандартных для преподавателей планов, но с пониманием слабого звена в деле подготовки социологов и повышения их профессиональной культуры, подготовили к изданию весомый том в более чем 500 страниц убористого текста под названием «Социология культуры: краткий словарь». У рецензента нет сведений о существовании словаря такого рода как в Украине, так и за ее пределами.

На первый взгляд может казаться, что социологических словарей существует большое количество. Но дело в том, что отраслевая социология, состоящая из множества направлений, называемых еще теориями среднего уровня, в этих словарях почти не представлена развернуто. Да это и не удивительно: у них совсем иная цель — презентация того уровня развития общей социологии, которого она достигла на момент издания очередного словаря.

Что касается отраслевой социологии, — а это социология права, морали, науки, искусства, политики, знания, мышления и т.п., — то сегодня представить уровень развития каждой из них весьма затруднительно. Мало того, по многим из них нет основательных обобщающих публикаций, и не только словарей, но даже учебников (например, по социологии науки, социологии рекламы). Поэтому без преувеличения можно сказать, что составление подобных предметных словарей, которые могли бы представить всю полноту знаний, достигнутых в том или ином направлении развития отраслевой социологии, — один из приоритетных направлений совершенствования подготовки социологов в наше время.

Особо следует сказать о словарях, подготовленных не коллективами ученых, а отдельными авторами. Нисколько не умаляя научное и социально-культурное значение социологических словарей, составленных коллективами ученых, нельзя не отметить, что в них нет одного — общего принципа написания статей. В коллективных словарях сохраняется тот дискурс, который имеет место между различными методологиями, подходами и авторскими концепциями и который затрудняет их чтение для тех людей, которые всегда пытаются прочитанное привести к тому или иному общему знаменателю.

Только кажется, что дискурсивный характер социологических текстов, подготовленных коллективами авторов, наиболее полно репрезентирует предмет, отраженный в них. Дискурсивность — это отсутствие системности, своеобразный коллаж, лишенный основного стержня — единых принципов построения текста. В этом смысле авторские тексты во многом выигрывают. Это относится и к рецензируемому словарю.

Так уж устроено наше сознание, что каждый всегда ориентирован увязать различные данные в единую систему личного знания. И это не удивительно: мир один и един, но сознание, которым обладает каждый из людей, как бы тоже одно, но совсем не обязательно едино в своей основе. Причину смысловых рассогласованностей поясняет социальная эпистемология, указывающая на обстоятельства генезиса как индивидуального, так и группового сознания; с одной стороны, частный интерес, на который каждый ориентирован, а с другой — попытки обоснования одного из таких интересов как наиболее значимого. Этим и вызвано то, почему интеллектуальные коммуникации между профессионалами, а социологическая наука — одна из разновидностей таких коммуникаций, имеют дискурсивную (или структурированную в социальном отношении) форму. Вот почему мы всегда ищем корреляции нашего поведения с окружающим нас миром, а когда ее нет, мы поступаем неадекватно, — ошибаемся. Социальные манипуляции, между прочим, всегда ориентированы на то, чтобы как можно большее количество людей в своих социальных ориентациях если не полностью, то хотя бы частично лишились способности увязывать свои представления об окружающем их мире с самим этим миром.

Итак, авторские словари по социологии тем и отличаются, что в них отрефлексированная (соотнесенная с другими) личностная система социальных ориентаций авторов излагается в форме общих принципов миропонимания, выраженных в каждой отдельно взятой словарной статье. Авторам этого словаря, как мне представляется, это удалось осуществить в полной мере. Замечу, подобный подход не имеет ничего общего с так называемой “отсебятиной”, как может кому-то показаться, а является социально детерминированной научной рефлексией, обогащенной обобщенным личным жизненным опытом авторов.

Просматривая словарь, нельзя не заметить три существенных момента.

Первым является строгая логическая форма построения материала, где любая статья логически увязана со всеми другими. Поэтому хотя текст и имеет словарную форму, он представляет собой целостную систему знания, достигнутого социологией культуры, с авторской точки зрения, на данный момент.

Вторым является то, что словарь пронизан четко выстроенной социологической рефлексией, ориентированной на отбор материалов, которые по присущим им тем или иным признакам могут быть отнесены к социологии культуры.

Третьим моментом является то, что каждая из статей — свидетельство личностного переживания авторов за судьбы социума.

На третье хочу обратить особое внимание. Большинство из нас (имеются в виду социологи-профессионалы) настолько привыкли писать об обществе и общественных процессах как о функционирующих по принципу машин, находящихся как бы в вакууме, что реальная жизнь людей остается “за кадром”. Описываемые процессы в таком случае рассматриваются как не имеющие собственно к людям никакого отношения. Но ведь ученый не лишен переживаний (хотя, попав в чиновники, может стать бюрократом). Он изучает и описывает *свое* общество, судьбы которого ему должны быть не безразличны. И именно такой подход всегда отличал действительную интеллигентность, а ученого — от бюрократа в науке и управлении общественными делами.

Люди не функционируют, они живут, и каждый живет своей особенной жизнью. Но в этой особенности обнаруживаются моменты различной степени общности, то есть касающиеся той или иной социальной группы или класса в целом. Некоторая схожесть в организации общественной жизни с органическими или машиноподобными системами и стала основанием для различного рода позитивистских редуций как способа описания и объяснения человеческого повседневного бытия в этом мире. Такой подход авторы словаря принципиально не приемлют. Поэтому не удивительно, что в ходе ознакомления с данным текстом мы как будто слышим знакомые возгласы людей, написавших его. В каждой строке звучит: “Мы все участники этой повседневности! Мы люди, а не марионетки! Подумайте об этом!”

Далеко не всегда при ознакомлении с авторскими текстами мы сталкиваемся с таким явлением, как эффект авторского присутствия, который не согласуется с позитивистским принципом “незаинтересованного наблюдателя”, который и дал повод для постструктуралистского обвинения каждого ученого в том, что он живет в мире иллюзии собственного авторства (Ж.Деррида). Это иллюзия автономной индивидуальности, свободной не только в своих высказываниях по тому или иному поводу, но даже — от времени и пространства собственного бытия.

Иными словами, “незаинтересованный наблюдатель”, вопреки расхожему мнению, весьма далек от научной объективности, потому что ему не ведомо реальное переживание человека, включенного в тот или иной процесс. Поэтому весьма важна мысль, которая красной нитью проходит через весь словарный текст: человек — это не статус и не роль, не элемент в социальной структуре. Это только те обстоятельства его конкретно-исторического бытия общественных отношений, в которые мы все вовлечены, которые разделяют людей вопреки их реальной общественной сути и в которых институционализована деперсонализованная воля властвующего класса.

Противоречие, определенное в марксизме как противоречие между общественной сущностью человека и реальным его существованием, составляет основание той культуры отношений, в которой мы сегодня все присутствуем, оставаясь при этом в своей экзистенциальной основе людьми.

Существующие социальные структуры низводят личностную (изначально творческую) сущность человека до уровня функций, которые он принужден исполнять и которые навязаны ему этими же социальными структурами. Научные понятия, в которых выражены эти функции, создают иллюзию объективности, в то время, когда каждый тяготеет к ним. Социальные конфликты, рассматриваемые в таком контексте, делают это противоречие явным, демонстрируя, что давно выявленное противоречие между цивилизацией и реальной культурой никуда не исчезло и требует своего немедленного разрешения.

Ученому следует понимать, что люди живут в четко определенном пространственно-временном измерении и что это понимание, а не отрицание такого понимания является одним из главных свидетельств профессиональной культуры научного мышления. Более того, понимание места и роли ученого здесь и сейчас делает его не только участником научного исследования современности, но и активным участником ее созидания. Не консервации, а именно созидания, — социального творчества, расширения повседневного бытия и перехода его в качественно иное пространственно-временное измерение.

Указанный словарь можно рассматривать как приглашение всех заинтересованных, а особенно профессиональных социологов, в иную культуру социологического мышления, расширяющего границы миропонимания и понимания культуры как самой жизни, воплощенной в действиях людей и результатах этих действий.

Рассматривая рецензируемый текст в контексте всего выше сказанного, следует отметить: авторам удалось показать, что составление предметного словаря не сводится к простому механическому расположению статей в алфавитном порядке, к некоторому компендиуму тех наработок, которые имеют место в современной социологии культуры и пограничных с нею областях знания. Это особое направление исследований, где алфавитная форма служит лишь средством ориентации в безбрежном наборе терминов, но где, тем не менее, должна быть логика, подчиняющая этот материал своим законам.

Авторы придерживаются именно этих принципов. Они ориентированны на то, чтобы в словаре четко просматривалось несколько моментов:

во-первых, презентация уровня развития того направления исследований, предмет которого отражен в словаре, а это социология культуры;

во-вторых, выявление болевых точек, затрудняющих процесс познания в данной области знания;

в-третьих, преодоление дискурсивности в опубликованных профессионалами материалах, структурирующих понимание культурных процессов и тем самым затрудняющих разработку общесоциологического понимания культуры как общего для всех вектора социального развития, а не вертикально выстроенной, но логически не связанной системы артефактов (статусов, норм, ценностей, действий и т. д.).

В словаре почти тысяча семьсот статей и взаимных ссылок. Но, тем не менее, это краткий словарь, ибо в нем не представлены статьи о персоналиях, то есть о личных достижениях отдельных авторов, которые сделали тот или иной вклад в развитие социологии культуры. В нем не представлены и термины, которыми фиксируют вопросы методики и техники социологических исследований культурных явлений и процессов. Однако практически в каждой статье мы находим отсылку к тому ученому, который ввел соответствующий термин в научный оборот или приложил усилия к его последующей концептуализации. Это показывает, что в ходе составления словаря проделана огромная работа, направленная на систематизацию научных данных и выстраивание их в соответствии с выше отмеченными принципами. Здесь есть отсылки и к несоциологическим, а, например, к философским текстам, в которых поднимаются вопросы, имеющие отношение к социологии культуры.

Заслуживает внимания и то, что в словарь попали и сленговые образования, имеющие широкое хождение в вербальных масскультурных коммуникациях. Им сами авторы, путем логического уточнения смыслов, придали терминологическую форму, вписав их в определенную систему, без которой практически невозможно заниматься описаниями в той или иной области культурной жизни современного капиталистического общества. *Артизация, арткульт, бестселлер, блокбастер, вестерн, грас, дайджест, звезда, раскрутка, имидж, мыльная опера* и прочие сленговые образования давно просятся в научные тексты, но не в качестве метафор — образов реальности, не имеющих терминологического статуса, а в качестве понятий, в конечном счете, способных к описанию объективной логики культурной деградации.

Правда, например, слово “имидж” уже обрело понятийный статус, хоть и не в социологии культуры.

Можно было бы указать на ряд недоработок, например технического характера — не очень качественную печать и прочее. Еще отмечу, что, к сожалению, словарь не снабжен предметным и именным указателями. Этимологический поиск происхождения терминов скорее поверхностный, ибо соответствующая эволюция не прослежена. Чтобы словарь обрел академическую форму и стал бы еще более содержательным, имеются и другие возможности. Так, следует отметить, какое огромное количество имен ученых и точек зрения представлено в нем, а значит, существует множество различных способов и направлений уточнения терминов и т.д. Особо подчеркну, что в словаре четко прослежены межпредметные связи в отраслевой социологии, скажем, между социологией истории и социологией экономики, социологией права и социологией морали, социологией языка и социологией мышления... Всех не перечить! Трудно назвать аспекты в различных направлениях развития отраслевой социологии, имеющие отношение к социологии культуры, которые оставлены без внимания.

Замечу, что работа над словарем осуществлялась на кафедре отраслевой социологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, где в дискуссиях, конечно дружеских, но порой достаточно жестких в логическом отношении, были отработаны принципы его построения. Следует также знать, что первый вариант словаря был подготовлен и презентован много лет назад. Можно, конечно, сожалеть, что читатель уже тогда не получил в руки этот словарь, но теперь издание стало еще более фундаментальным.

Все изложенное свидетельствует о том, что если отраслевая социология до сих пор была своеобразным придатком к общесоциологической теории, то сейчас она становится одним из основных факторов развития социологического знания. Следует ожидать своеобразного прорыва в этом направлении — появления серии предметных словарей, которые значительно обогатят общесоциологическую лексику и тем самым будут способствовать созданию более объективной научной картины социального мира, в котором все мы живем.